

И ЧИСЕЛ ТАЙНЫХ ПИСЬМЕНА...

Нумерология в «Евгении Онегине»

Виктор Чумаков

Бог один, но троичен в лицах.
Бог — Отец, Бог — Сын
и Бог — Дух Святой, — внуша-
ла мне бабушка, таясь от служив-
ших власти папы и мамы. Тогда,
в далёком детстве, у меня было
две бабушки и два дедушки. Нас
было семеро — самых близких
родственников, не считая много-
численных тётъ, дядь, двоюрод-
ных братьев и сестёр. Не с этого
ли счёта: 1, 3, 7 и начинаются
под таинственным и святым по-
кровом размышления наших пра-
щуров о смысле, заложенном
Провидением в цифры и числа?
Думается, именно здесь начала
нумерологии — эзотерического
учения о толковании чисел, до-
шедшего до нас с незапамятных
времен из разных концов света.

Непраздный вопрос: сколько
строф содержится в первой главе
романа в стихах «Евгений Оне-
гин»? Если забыли, посмотрите:
последняя пронумерована римской
цифрой LX.

**...Я кончил первую главу;
Пересмотрел всё это строго:
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу...
...Иди же к Невским берегам,**

**Новорождённое творенье!
И заслужи мне славы дань —
Кривые толки, шум и брань!**

Так заканчивает автор шестидесятую
строфу.

Даже неискушённые в нумерологии
знают некоторые её начала, а именно,
хотя бы первый, короткий ряд особен-
но священных, сакральных чисел: **3, 7,
12, 60**. Как раз древним числом, ког-
да-то лежавшим в основе шестидесяте-
ричной системы счисления и сохранив-
шей нам системы счёта времени и про-
странства: 60 секунд, 60 минут,
60 градусов — завершается первая
глава великого романа.

Однако, что это? Мы не видим текстов
целых шести строф: IX, XIII, XIV,
XXXIX, XL, XLI. То есть фактически
глава первая состоит из 54 строф. Так
было в первом издании 1825 года, пере-
кочевало во второе — 1833 года, затем
в последнее, прижизненное — 1837 года
и осталось навсегда. Дотошные читатели
ещё в 20-е годы XIX века докучали со-
чинителю расспросами, почему это так?
На что при переиздании первой главы
в 1829 году Пушкин делает сноску: «Все
пропуски в сем сочинении означенные
точками сделаны самим автором».

Остаётся лишь предположить, что материала на все 60 строф не хватило, но автору очень уж не хотелось закончить главу унылым и совершенно не сакральным числом «54». Нам ничего не остаётся как простить нашему гению эту по нынешним временам мальчишескую слабость.

Позвольте к тому же дополнить, поскольку есть документ.

Вослед приехавшему в Петербург из Михайловского с рукописью первой главы романа брату Льву Сергеевичу поэт шлёт в ноябре 1824 года письмо, а в нём такие строки: «...Долго не торгуйся за стихи — режь, рви, кромсай хоть все 54 строфы его. Денег, ради Бога, денег!»

Во второй главе последняя строфа XL. Чуть менее сакральная, чем LX. Но какая симметрия! Поставим их рядом: XL LX (сорок — шестьдесят), LX XL (шестьдесят — сорок). В нумерологии, дошедшей до нас от Пифагора, это число абсолютной законченности, путешествие к истине, путь на небо, вера людей. Сорок недель (по семь дён) живёт ребёнок в утробе матери. Напомним ещё о Московских сорока́ сороко́в, о печальных сороковинах и сорокоусте в церкви по этому поводу. Да подчеркнём, что во второй главе все строфы присутствуют, хотя в VIII и XXXV по несколько строк пропущено.

В третьей главе последняя — строфа XLI. В ней письмо Татьяны, песня девушек и нет пропущенных строф (лишь в III отсутствуют шесть заключительных строк), но кажется, и здесь «подгонка» поэтом под сакральное число 40 присутствует. Обратим внимание, что последняя, 41-я строфа — принадлежит уже следующей, четвёртой главе или есть не что иное, как самостоятельное связующее эти главы звено.

Но наконец она вздохнула
И встала со скамьи своей;
Пошла, но только повернула
В аллею; — прямо перед ней,
Блестящая взорами, Евгений

Стоит подобно грозной тени,
И как огнём обожжена,
Остановилась она.
Но следствия нежданной встречи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не в силах я;
Мне должно после долгой речи,
И погулять и отдохнуть:
Докончу после как-нибудь.

В четвёртой главе, начинающейся с VII строфы, последняя — LI. Но кроме I–VI, отсутствуют и строфы XXXVI, XXXVIII. Поэт, таким образом, нарочно сделал заключительной именно строфу за номером 51-м. Да, с каким-то тайным намерением, потому что в этой главе только 43 строфы. По пифагорийцам, 50 — освобождение от рабства и полная свобода, а прислонённое число 1 олицетворяет принцип начала, единства всего сущего; первотолчок, первопричину. И добавим, что не может быть случайным выбор строфы номер VII началом этой главы.

Пятая глава заканчивается XLV строфой, хотя содержит их только 42. Тексты XXXVII, XXXVIII, XLIII строф отсутствуют. Прислонённая к числу 40 пятёрка олицетворяет принцип существования человека.

Шестая глава, в которой разыгрывается трагедия несправедливой дуэли и убийства Ленского, 46 строф, то есть 40 плюс 6. Шестёрка — ох! — какое несакральное число! И здесь налицо подгонка под это число — 46, потому что отсутствуют тексты строф XV, XVI, XXXVIII.

В седьмой главе 55-я (LV) строфа — последняя. Пропущены тексты трёх строф: VIII, IX, XXXIX. Зачем? Чтобы полюбоваться симметрией числа 55? Или нечто более значительное? Всё время подозреваешь, что поэт скрывает от тебя что-то таинственное, и для этого есть основания. Хотя бы в описании «Альбома Онегина», не попавшего по воле автора в печатную редакцию как раз седьмой главы романа.

**В сафьяне, по краям закован,
Сомкнут серебряным замком.
Он был исписан, изрисован
Рукой Онегина кругом.
Среди безсвязного маражня
Мелькали мысли, примечанья,
Портреты, буквы, имена
И чисел тайных письмена...**

И наконец, последняя **осмая** глава кончается **51-й, LI** строфой. Здесь нет пропущенных целых строф, хотя во II и XXV в сумме недостаёт 16 строк, то есть по объёму на две строки больше одной строфы.

Не без опаски, разумеется, делаю я вывод, что А.С. Пушкин умышленно подогнал число строф в главах в некий важный для него и лишь немногих избранных, ряд: **60, 40, 41, 51, 45, 46, 55, 51. LX, XL, XLI, LI, XLV, XLVI, LV, LI.**

Почему не без опаски? Да потому, что нумерология — это если и наука, то оккультная, и толкование её, равно как и сокровенное понимание, далеко не всем смертным по плечу. И что уж говорить, украсить художественное произведение таинственными нумерологическими изысками, захватить этим воображение читателя, заставить его поверить, что автор — личность загадочная, обладающая знаниями, почерпнутыми из недостижимого для простых смертных источника или даже сошедшими с небес — ну, безусловно, это сверхзадача поэта, да только не всем удаётся её органично разрешать, а тем более изящно подать пред светлы очи читателей...

* * *

**...Зарецкий тридцать два шага
Отмерил с точностью отменной,
Друзей развёл по крайний след,
И каждый взял свой пистолет.**

Тридцать два?.. 32. Почему такое вроде бы обыденное неровное число. Почему не двадцать, как это было обусловлено секундантами Пушкина и Дантеса-Геккерена — Константином Дан-

засом и виконтом д'Аршираком? Почему не тридцать или сорок? Оказывается, нумерологи-пифагорейцы полагали **32** числом, символизирующим **правосудие**. И это правосудие вершится Зарецким — секундантом оскорблённой стороны. За неимением лучшего в окрестностях деревни Ленского Красногорья его и избирает своим доверенным лицом юный поэт. Кто же он?

**...Зарецкий, некогда буян,
Картёжной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой,
Надёжный друг, помещик мирный
И даже честный человек:
Так исправляется наш век!**

О Зарецком, и только о нём, в романе пять строф, да ещё подробно описаны его появление с запиской-вызовом-картелем у Онегина; его разговор с Евгением на мельнице о выборе Онегиным секундантом «честного малого» слуги Гильо, отчего «Зарецкий губу закусил».

Пушкину необходимо объяснить читателю, почему случился в провинции этот нелепый и несправедливый поединок — конечно же, невозможный в столицах. Дуэльный кодекс нарушен по ряду пунктов. Так, например, не состоялось преддвуэльное знакомство секундантов и обсуждения ими условий поединка или примирения; да и слуга Гильо не имел права быть секундантом у дворянина Онегина. И тем не менее, не пожалев чёрной краски на описание Зарецкого, Пушкин, не без ехидства, разумеется, воздаёт ему должное как эксперту по науке о кровавых поединках.

**В дуэлях классик и педант,
Любил методу он из чувства,
И человека растянуть
Он позволял — не какнибудь,**

Но в строгих правилах искусства.
По всем преданьям старины
(Что похвалить мы в нём должны).

Итак, прохвост вершит правосудие «в строгих правилах искусства», а посему и отмеряет 32 (число правосудия!!) канонических шага. И всё это, согласитесь, не что иное, как едкая насмешка поэта над «справедливостью», «законом» и его вершителем-подлецом.

А иначе, без загадки, без утайки, всё это было бы, право, пресновато.

Вот описание самой дуэли. После того, как «В гранёный ствол уходят пули» и «Надёжно ввинченный кремень взведён ещё», а друзья разведены «по крайний след,/ И каждый взял свой пистолет», Зарецкий даёт команду:

«Теперь сходитесь».
Хладнокровно,
Ещё не целя, два врага
Походкой твёрдой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертные ступени.
Свой пистолет тогда Евгений,
Не преставая наступать,
Стал первый тихо подымать.
Вот пять шагов ещё ступили,
И Ленский, жмуря левый глаз,
Стал также целить — но как раз
Онегин выстрелил... Пробили
Часы урочные: поэт
Роняет, молча, пистолет...

Сделаем простейшие подсчёты, чтобы показать, что у Пушкина нет случайного, невыверенного и не работающего на основную идею. В романе не сказано, сколько шагов было между барьерами, до которых имели право пройти противники. Скорее всего, шагов было **12** — **сакральное число**. Когда они прошли по четыре шага, между ними оставалось **24** шага — **два раза по 12!** А затем, когда было сделано ещё по пять шагов, между ними стало **14** шагов и по одному шагу до барьеров. Онегин же выстрелил в момент, когда Ленский делал свой роковой **десятый шаг** и сократил дистанцию к пистолету Онегина до **13 шагов**.

Стоит ли комментировать, что это за число — 13, так называемая чёртова дюжина, и почему 13-го числа откладываются важные запуски космических ракет, первые полёты новых моделей самолётов, спуск на воду кораблей и многое другое.

Именно так написал Александр Сергеевич в бессмертном своём романе в стихах. У меня же нет и тени сомнения, что всё это было сперва нумерологически выверено и только потом подано читателю как до блеска отточенный философский и поэтический шедевр.